

КИТАЙСКИЕ РЕЦЕПТЫ

Я хочу сделать просто пояснения к своим картинам.

Картина 1. Кожа рваных барабанов.

На картине написано полностью моё стихотворение в переводе на китайский, который сделал профессор Гу Юй.

Я прочитаю русский оригинал.

КОЖА РВАННЫХ БАРАБАНОВ

Приготовь мне лекарство по древним китайским рецептам.

Истолки в порошок этот яшмовый звук из небесной свирели.

Кожу рваных земных барабанов сожги и развей.

И на свитке воды
напиши иероглиф судьбы
наконечником падшего ветра.
И закрой мне глаза и шепни,
что ты любишь меня.

27 января 2012

Пилюли из кожи рваных барабанов действительно применялись в традиционной китайской медицине.

Об этом написано в «Шан хань лунь» — «Суждения о вреде холода» — главный медицинский трактат Чжан Чжунцзина, написанный в 200 - 210 гг.

Эту кожу нужно мелко нарезать, обжарить в речном песке до хруста и измельчить.

Применяется для лечения влажного застоя, отёка и набухания, которые сохраняются в течение длительного времени, ухудшают Ян селезенки и даже повреждают Ян почек.

Картина 2. На картине написаны две строки из моего стихотворения в переводе на китайский.

Стихотворение называется **ДУШИ КИТАЙСКИХ КАРТИН**

Это стихотворение тоже перевёл на китайский профессор Гу Юй.
Я прочитаю всё стихотворение по-русски.

На китайских картинах не горы,
а души гор,
не дерево с корнем кривым и серебристою
кроной,
а дерева душа — печальна и стара,
не журчащий ручей с ключевой водой,
а играющая душа молодой воды.
Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.
Души китайских картин
хранят в особьих футлярах,
сделанных мастерами
давно ушедших времен.

19 апреля 1990

Картина 3. На картине написано стихотворение Цэн Цзи, поэта Южной династии Сун. Он жил с 1084 по 1166 год.

Стихотворение называется «**САНЬ ЦУЙ ДАО ЧЖУН**».

В переводе Бориса Мещерякова «**ПУТЕШЕСТВИЕ НА ГОРУ САНЦЮЙ**».

Санцюй — дословно — Три Дороги.

Перевод такой:

День выдался погожий дождливою
порой.
Я плыл в челне по речке и горной шел
тропой.
Но здесь, в тени зеленой, не стал
короче путь:
Шаги я замедляю, чтобы на птиц
взглянуть.

Картина 4. На картине написаны слова знаменитого китайского художника и теоретика живописи **Ши Тао**.

В переводе на русский слова такие:

Брови древних не могут родиться на моем лице, и древнее сердце не может обосноваться в моей груди

Ши Тао — это псевдоним, означает буквально «Окаменевшая волна».

Настоящее имя **Чжу Жоцзи**. Он жил во времена последней династии Цин с 1642 по 1707 год.

Слова, которые написаны на картине, взяты из его трактата

«БЕСЕДЫ О ЖИВОПИСИ МОНАХА ГОРЬКАЯ ТЫКВА»

Эту книгу перевела на русский язык Евгения Завадская.

Я прочитаю полностью перевод

Главы третьей

которая называется

МЕТАМОРФОЗЫ

Древность — это орудие познания. Преобразования заключаются в том, чтобы познать это орудие, но не стать при этом его прислужником. [Только] я не вижу никого, кто был бы способен использовать древность, имея в виду её преобразовать, и я всегда оплакиваю ту старинную манеру, которая основывается только на подражании древним произведениям, но не способна к преобразованию. Подобное знание связывает. Знание, которое сводится к имитации, может быть только лишенным размаха. [Также и] цзюнь-цзы

[благородный муж — И.Б.] — не заимствует ли он у древности лишь для того, чтобы раскрыть настоящее?

Было сказано: «Человек совершенный — без правил». Это означает не то, что он не имеет правила, а лишь то, что его правило — в отсутствии правил. В этом и состоит высшее Правило.

Всё, что обладает постоянными правилами, должно непременно обладать изменяющимися свойствами. Если есть правило, надо, чтобы в нем была заложена способность к изменениям. Познав правила, преуспеешь в изменениях.

Живопись воплощает великое Правило преобразований мира, сущностную красоту гор и рек и во внешнем их облике и в структуре, раскрывает непрерывную деятельность Природы, веяние дыхания инь и ян. Искусство кисти и туши

запечатлевает все творения Неба и Земли, и звучит во мне их ликование.

Но наши нынешние [простаки] ничего не понимают в этом — кстати и некстати они заявляют: «Техника штрихов цунь и дянъ такого-то мастера составляет необходимую основу. Если вы не копируете пейзажи такого-то, вы не сможете оставить долговечное произведение, вы можете заставить себя принять строгий и чистый стиль такого-то мастера, но если вы не будете имитировать технические приемы такого-то, вы никогда не станете никем, кроме развлекателя».

Но на этом пути, вместо того чтобы поставить себе на службу этих художников, становятся их прислужниками. Желание любой ценой походить на такого-то мастера сводится к тому, чтобы питаться остатками его супа — для меня это слишком мало.

Или же другие говорят мне ещё: «Я с открытым сердцем вступаю в контакт с таким-то мастером, я освоил свою область знания, отправляясь от такого-то. Теперь какой школе мне следовать, в какую категорию себя зачислить? У кого заимствовать для себя критерии? Кому подражать? У кого лучше заимствовать технику точек и размывки, его «большие линии», его цунь, его формы и структуры таким образом, чтобы моё произведение могло точно повторить произведения древних?». Но так вы придёте к тому, что будете знать только древних, забывая о своём собственном существовании.

Что касается меня, я существую сам по себе и для самого себя. Ни бороды, ни брови древних не могут вырасти на моём лице, а их внутренности поместиться в моём животе, у меня собственные внутренности, собственные борода и брови. И если случится, что моё произведение

окажется повторением произведения другого мастера, — это он следует мне, а не я его разыскал.

Природа дала мне всё. И когда я научусь у древних» разве я не могу их [правила] преобразовать?

Вот такой текст.

Мне кажется, это хорошее напутствие художникам.

Ну, и под конец я прочитаю ещё одно своё стихотворение, уже не имеющее прямого отношения к картинам здесь на выставке.

КАЛЛИГРАФИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ В ТРИ ИЕРОГЛИФА

Когда я был юным,
мои руки и ноги были летящим
ветром,
спина — прямым и гибким бамбуком,
живот — летящим белым,
над истончавшейся шеей — ясные
точки глаз.

Я был иероглифом в стремительном
стиле цаошу —
стиле весенней травы.

Когда я достиг середины жизни,
мои руки и ноги стали крепки как у
тигра,
спина — выносливой как дракон,
живот — твёрдым как щит черепахи,
над устоем шеи — всё так же ясные
точки глаз.

Я был иероглифом в строгом стиле
кайшу —
стиле суровой зрелости.

Теперь я старик,
мои руки и ноги стали как ветви в
безветренный день,
спина — иссохшим стволом,
живот — круглым облаком,
над пошатнувшейся шеей — всё ещё
ясные точки глаз.

Я стал иероглифом в древнем стиле
чжуаньшу —
стиле большой печати времени.

27 августа 2023 года, воскресенье, ночь